

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Время будто сгустилось в бездонном колодце двора
И не шло, а стояло в густых лопухах и крапиве,
И огромные жизни к закату, проснувшись с утра,
Проживала душа в переполненном медленном мире.

Было времени столько —
о, сколько угодно тебе! —
Можно в прятки играть,
нацепив одуванчика платье,
Можно слушать стрижат
сквозь дыру
в водосточной трубе —

Наталья
ЕГОРОВА

А мы живём в глухом углу творенья...

Всё равно-всё равно никогда-никогда не растратить!
Я помчалась тогда за несёлой удачей своей,
Заигравшись с детьми — и упала с Небес почему-то.
А чем дальше от Неба, тем время грохочет быстрее,
И мелькают века, превращаясь в скупые минуты.

И оно понеслось — закутилось в погоне шальной,
В суете, в маете, в жажде знания неутомимой.
Я любила вас всех — только что это стало со мной?
Словно в чёрной дыре —
всё не в лад, и напрасно, и мимо!

И душа не поймёт, как ей выбраться из чепухи,
Из доставших забот, из досадливой муторной дряни,
В старый двор, где — счастливые! —
крыльями бьют лопухи,
И доверчивый мир застарелою болью не ранит.

Там, где медленно время течёт в золотистой пыли,
О — почти что стоит — рядом с ящиками у сарая!
И седой одуванчик поёт лопухам о любви
И глазами глядит, в бесконечной любви не сгорая.

Ни зги не видно в глубях ночи тёмной.
Лишь гул шоссе и дальний лай собак.
И снова беспредельную огромность
Земного мира — выявляет мрак.

А в кронах сосен, в черноту воздетых,
Ещё громадней всей земли обочь,
Летят планеты, движутся кометы,
Мерцают, звёзды шествуют сквозь ночь.

Равнины спят. Материю унылой
Уже не встать над смертным в полный рост:
Ты, Космос — Царь. О беспредельной силой
Связал тебя спасающий Христос.

И потому над речкою и полем
В разумной, шевелящей звёзды мгле
Огромною безбрежной Божьей волей
Всё движется на небе и земле.

А я — песчинка — говорю с Тобою
Сквозь шестелет крон над далью вековой,
И благодать прощенья надо мною
Сильнее смертных звёзд над головой.

Ты дал нам дар дерзання и свободы,
Чтобы смогли мы, жизнь пройдя и смерть,
Преодолеть земную власть природы
И вечным словом — звёздам повелеть.

Кроны сосен поднимутся выше,
Шишка шлёпнется в зыбый болот,

Почва прелью весенней задышит,
Отправляя вершины в полёт.

И родит перегибавшая хвоя,
Волплощаясь в картинах времён,
Перелеска лицо дождевое,
Переливчатый ландыша звон.

Но цветы перепреют. И снова,
Искрой духа суглинки живя,
Те же атомы в образе новом
Телом жабы воздвигнет земля.

В превращеньях вполне откровенных,
Плоть времён замешав на крови,

Как плыла потрясённо в ветвях тишина,
Раздроблённая в тени и пятна.

Как обрушила гневно цветов снегопад,
Пряча взгляд перепуганный навий,
А потом поняла — и рванула назад —
В сон за гранью настигнувшей яви.

Как кричала она над лесной тишиной,
Над разбуженной чащей сонной,
Над текущей бедой, над стоячей водой,
И ветвями трясла потрясённо.

И замкнула, дикарка, круги бытия,
И сбегала в дрожанье и шорох,

И ушла без возврата и вести в себя —
В белый сон — ослепительный морок.

ЦЕРКОВЬ ПЕТРА И ПАВЛА. XXII ВЕК
Других времён осколок в настоящем,
Она стоит на городском торгу
Среди заводов, трубами копящих,
Как маков цвет на поименном лугу.
А внутрь войдётся — и ангел бликом солнца
В цветном стекле лампады задрожит,
И бор навстречу хвоей распахнётся.
И лось на мшистом взгорке вострубит.
И внешний мир ребёнком дерзновенным
Слетёт цветы и запойт у ног,
И все пути распахнутой вселенной
Сосновой прелью лягут под сапог.
И бытию распахнутой до устья,
Поймёшь: деля с живым своей хлеб и кров,
Твой мудрый предок жил не в захолустье,
А в центре Богом созданных миров.
И в этой церкви, поднятой из тлена,
Проплывшей сквозь забвение и тьму,
Остался и святой, и дерзновенный
Высокий Дух причастности всему.

А мы живём в глухом углу творенья,
Где выше правды мира боль своя,
Замкнувшись в искажённом измеренье,
Отторгнувшем законы бытия.
Но луч скользнёт — и душу боль отпустит.
Этих влажных цветов над стоячей водой
И вновь предстанут диким захолустьем
Все дали завобанной земли.
А дух скорбит, и ждёт, и ждёт чего-то,
И вновь сквозь смог и смрад глядит туда,
Куда не долетают самолеты,
Куда не доезжают поезда.

Закаты и зори алеют. Летит одуванчиков пух.
Ещё мою маму жалеют крапива, сирень и лопух.
Стоит она с палочкой в арке, оставив долги и дела,
Где прыгала я на скакалке,

где зрелось её протекла.
А старенький двор под ногами рисует земные пути,
И старенькой-старенькой маме уже далеко не уйти.
И жизнь её тихая жалась

до листьев шагреновых лип,
до сердца, что и до века болит.

До сердца, до тихого взгляда,
до белых-пребелых седин,

До вырубки старого сада
с прошедшим — один на один.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕЧНОСТИ

Что ждёт нас там —
за гранью бытия,
И почему так манит даль сквозная,
Где звёзды, колокольчиком звеня,
Зовут в тот мир,
где жизнь совсем иная?

Там всё не так, там всё наоборот,
Там верх и низ меняются местами.
Там ходят все поверх текущих вод
И небо не вверху, а под ногами.

Там правит правда,
там распята ложь,
Там так легко душе
под светом лунным.

В душе моей есть осени приметы

Там время вспать,
и ты ко мне придёшь,
Как было встарь —
влюблённым, чистым, юным.

А ей всё кажется
и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет
была не так грустна.
А.Блок

Есть много тем,
достойных перьев лучших,
Чем пёрышко чуть слышное моё.
А я пишу о звёздах, небе, тучах
И как печально осенью живишь.

Ещё вчера здесь поле колосилось,
А нынче — стерни, хлябь,
чернеет гать.

Отдав все силы, поле, обессилив,
Уйдёт под снег,
чтоб зиму переждать.

Так и любовь: сегодня колосилась,
А завтра — стерни, тишь,
поля грустные.
И женщина, отдав любви все силы,
Уйдёт в печаль до будущей весны.

Летят года, льёт дождь,
мелькают лица,
Но нет того, кто даст любви приют.
А ей всё кажется
и помнится, и мнится —
Сияет небо, поле колосится
И жаворонки гимн любви поют.

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ "СЕМИСТРЕЛЬНАЯ"

Ю.Л.

Всё дальше, дальше
чувств весенних высь,
Всё ближе дни осеннего ненастья.
И мы всё глубже постигаем смысл
Таких понятий,
как любовь и счастье.

Любимый мой,
жизнь — тайна на крови,
И смысл её ещё никем не вызнан.
Но мы с тобой
познали смысл любви,
А это чувство выше смысла жизни.

Разделим поровну
и радость и беду,
И если час печали неминуем,
Шесть стрел, в тебя летящих,
отведу,

На грудь свою
приму стрелу седьмую.

Пусть ты не молод, не твоя вина,
Что мы так поздно
встретились с тобою.

а если небо нас не осудило,
то люди никогда не скажут правды.
а я уеду, даже если рано,
такой вот весь дурной,

непобедимый,
где ни солгать, ни встать и ни уйти,
когда одним
непринуждённым жестом
срывают сливу спелую и честно
выходят из тоннеля, из сети,
из тела или —
что там есть в запасе?

но я же честно говорил — прости,
а потому меня, как в первом классе,
простят, поймут и заново раскрасят,
и выпустят мне солнце из груди.

а был ли я, а был ли этот мальчик?
ведь я уеду, так или иначе.
у нас ведь так про Это говорят?
да, говорят, чего ещё тут скажут,
ну, разве что добавят про тоннель.
а я вот

не хочу,
мне как-то
страшно,
сидеть
вот с этим
самым
в голове.
хотя бы
потому
мы будем
каждый,

И так тепло вокруг...

Иван
ОБРАЗЦОВ

а я любил, как любит человек,
любил друзей, и маму, и тебя.
как глупо всё сейчас, как будто снег,
как будто тёплый,

самый первый снег
или последний снег, или котят
вытаскивают дети из коробки
и пальчиком их гладят между глаз.
и так тепло вокруг, и так неловко
об этом говорить сейчас.

но я же говорю — я пахну сливой,
той самой спелой сливой

в сентябре,
да, и будут сливы,
и бабушка, и мама, и друзья.

а я её, в последний раз, не глядил
и снег не первым был,
а был февраль.

некстати, а оно всегда некстати,
как на дверях

с рекламой календарь.

а я любил
и честно был несчастным.
пил кофе — но его я не любил,
но всё же пил — и жил я не напрасно
хотя бы потому, что просто жил,
и человек ко мне не ходит чёрный,
а большие милых, светлых, дорожих.

я и сейчас живу и честно помню,
я честно помню ласковых, смешных,
любимых мне людей —

котят в коробке.

и там, где будем мы уже одни,
я их достану, маленьких и тёплых
слепых, смешных,
мяукающих, мокрых

и крикну — мама, мама, посмотри.
я и тебя достану, откровенно,
наугу, утром, с розовой щекой,
пушистую от солнечного света,
с запутавшейся в простыне ногой.

и буду долго шарить под диваном
искать заколку или ободок.
хотя бы потому, что это правда,
немыслимая, радостная правда,
что я тебя любил всегда, как мог.

вот, снова снег, а я опять про дачу,
точной про сливы в лапах у котят.

совсем не мёртвый, а наоборот,
на дачах объедаться

манной кашей
и ёлки наряжать под Новый год,
и доставать игрушки из коробок
и, помните про маленьких котят,
мы побежим

мяукать возле ёлок —
у нас вот так про Это говорят!

и сливы будут,

да, и будут сливы,
и бабушка, и мама, и друзья.

я потому хотя бы

был счастливым.

что я всегда как мог любил тебя.

ложится снег на мокрых подоконник.
какой час? одиннадцать? пора
ложиться спать —

я пью на кухне кофе,
и я курю, и ночь, и до утра
мы будем спать

с тобой в одной постели.

как глупо всё сейчас,

как будто снег,

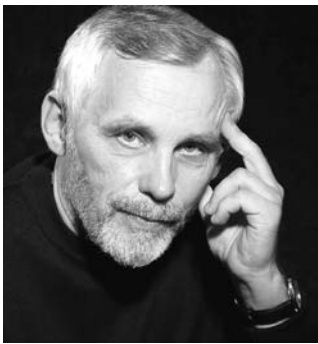
как будто первый снег

заносит двери,
или последний снег на мокрых подоконник.

как будто самый главный человек
достал котят пушистых из коробки
и пальчиком их гладит между глаз.

и так тепло вокруг, и так неловко
об этом говорить сейчас.

ЧУВСТВО
Прессенный дождём проспект,
И треск взрывающихся почек,
И в стёклах брызги многоточий,
И свет, и бред.
Поэт — свидетель, были там
Зонты, как всплески междометий,
И к лицам прикасался ветер,
И по губам
Скакала судорога чувств,
Срываясь вдрызг и неуместно,
Нет, так не честно, так — нечестно —
От губ до уст!

Виктор
ПЕТРОВ

Письма Татьяне в Донецк

1.
Шубку носишь, как мантию,
Свет златится оплечь
Так, что зоры туманит
И срывается речь.

Ты морозом целована —
Тает снег на губах...
И затрону ли словом,
Сам ничтожный, как прах?

Лучше сразу на лобное
Место мне укажи,
Чем замерзнуть в сугробах
у тамошних-межи.

Я захлестнут дорогами —
Заказала мой путь.
Губы, может быть, дрогнут,
А снежинок не сдуть.

Королевской ли милостью
Дан московский мне сон?
Если даже пристиглось,
Да не кончится он!

2.
Я пить не пью — пускай другие пьют,
Но рядом ты, что обожаешь брют.

И голова моя в огне, в дыму...
Куда бокалы делись, не пойму?

И разливаем по стаканам брют
Под ветра плач о тех, кого убьют,
и даже, может быть, сейчас как раз —
И горек ветра мёрзлого рассказ.

Пронизывает стены выюги вой:
И кто живой — уже как неживой.

То адский смерч забил из-под земли,
Обрушивая мир вблизи, вдали...
Зияют хладом шахтные стволы,
И уголь не сгорает до золы.

И злу назло — с тобою визави:
Искрится брют, шампанское любви...

Опять проездом в городе моём —
И крымский брют
за нашу встречу пьём,
и ветры на дорогах петли вьют,
И вот уже в глазах искрится брют,

и есть на всё про всё лишь два часа.
А там прифронтовая полоса —
И сбросит мама эсэмэску: "Жду..."
И тем отводит наперёд беду.

Стихийный вой —
потусторонний крик,
Не он ли в душу острём проник?

И снежная клубится в окнах взвесь —
И вдруг волчица подвывает здесь.
Я знаю ту волчицу. Как не знать!
Везде мелькает мстительная статья.

Зовут зверюгу северной пургой,
Но здесь другая —
быть хочу с другой.
И что мне волчья бешеная пасть,
Когда бы с нежностью
к тебе припасть!

Но горек сладкий вкус вина,
И глаз твоих лазурь затенена.
В такую ночь друг другу мы никто...
И тронется попутное авто.
Не знаю горше слова, чем "пора",
А ехать из Ростова до утра.
И снег слепит — не видно ни черта!
Таможенная застрожит черта.
И выстужен метелью мой уют,
Но розовым отсвечивает брют.

Счастье какое ты,
несчастье ли,
Знать бы, да знать не хочу:
То, что случилось —
пусть случается —
Чиркнет крыло по плечу.

Метка, а может быть, глубокая
Рана, и чтоб — навсегда!
Только посмотришь, волоокая,
Сердце летит в никуда.

Оберегаешься запретами,
И всё равно — не избыл,
Следуя за курсором трепетным
По мановению крыл.

Будешь со мной,
не будешь рядом ты,
Правое дело в inom:
Правдами всеми и неправдами
Жаворонок — за окном!

5.
Блокадный город
с псевдонимом Сталина
Своих не сдает и не уступит силе:
Пускай стальное имя заменили,
Но сущность
непреклонная оставлена.

И знаю, есть в тебе черта упрямая:
Взглянуть на мир
с отчаянным прищуром...

А все переговоры на смех курам —
Зияют окна выбитыми рамами.

Оплакать ли,
да разве плачи русские
И нам с тобою родственная мова
Облегчат душу?..
Нету слов — ни слова,
Когда мертвеет
в небе солнце тусклое!

6.
Разгадать захочу
Твой фиалковый сон
И уйду за кордон,
Уподобясь лучу.
Что граница? Ничто,
Коль на раз пересечё!
Да об этом ли речь —
Не задержит никто.

Мы с тобой не вдвоём —
Нас как будто бы нет,
Но фиалковый свет
Бьёт в оконный проём.

И навстречу лучу,
А быть может, и мне
Тень скользнёт по стене,
Как хотел, как хочу...

Тень твоя или сон?
Знать не знаю теперь,
Если столько потерь
С двух родимых сторон.

Адом сделался рай,
Да неужто навеки?
Не убий, имярек,
Сам же не умирай!

На окраине сна
И разрывы, и тлен,
И проломами стен
Засквозила весна.

Мой лазоревый склон
Ослезили цветы:
Взор ли бросила ты —
Как фиалковый сон?

Ростов-на-Дону